

УДК 911.3

Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Сибири: тенденции и парадоксы развития

М. В. Рагулина (milanara@yandex.ru)

Аннотация. Рассмотрено состояние и перспективы традиционного природопользования коренных малочисленных народов. Прослеживаются основные тенденции развития традиционного хозяйства в новых экономических условиях, анализируются парадоксы развития общин коренных народов в контексте промышленного освоения территории.

Ключевые слова: традиционное природопользование, коллективизация, трансформация, коренные малочисленные народы Севера, оленеводство, охота, рыболовство.

К вопросу о «традиционности» традиционного природопользования

Традиционное природопользование (ТП) тесно связано с воспроизводством и сохранением этнической идентичности, образа жизни, социокультурных особенностей коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Специфика природной среды и технологическая слабость производственных структур аборигенных социумов в досоветский период способствовали формированию широкого спектра стратегий адаптивного жизнеобеспечения [9]. Определение «традиционное природопользование» подразумевает исторически сложившиеся, экологически обоснованные способы использования объектов животного и растительного мира, земельных и других природных ресурсов коренными малочисленными народами Севера. В советской науке основным инструментом типологии традиционного хозяйства были концепции хозяйственно-культурных типов (ХКТ) и антропогеоценозов. На их основе выделены четыре основных ХКТ КМНС. Первый – оленеводы тундры и лесотундры (ненцы, оленные чукчи, коряки) с переходным подтипом оленеводов и охотников тундры и лесотундры (энцы, нганасаны, юкагиры). Ко второму типу относятся оленеводы и охотники тайги (эвены, лесные ненцы) с переходными подтипами: оленеводы, охотники, рыболовы тайги и лесотундры – северные ханты, манси, уйльта (ороки), орочи. Также в него входят охотники и рыболовы тайги и лесотундры – удэгейцы, кеты, эвенки, юкагиры. Третий ХКТ представляют оседлые рыболовы: ханты, манси, селькупы, ительмены, нивхи, ульчи, нанайцы. Арктиче-

ские охотники на морского зверя – береговые чукчи, коряки, эскимосы, алеуты – принадлежат к четвертому ХКТ [1].

Для анализа современного ТП концепция ХКТ имеет существенные ограничения: экономическая трансформация, интенсивные процессы аккультурации, ассимиляции, формирование новых культурных стандартов не позволяют пользоваться обобщенными типологическими подходами. Особая актуальность вопроса о «традиционности» традиционного природопользования возникает в ситуации, когда стремительно изменяются трудовая мотивация КМНС, приемы и методы кочевания, трансформируются системы расселения, нарастает промышленная экспансия и конкуренция за жизненнообеспечивающие ресурсы.

Критерии «традиционности», исторической обусловленности природопользования коренных народов оказывают влияние на формулировку политических решений. В зарубежной практике право аборигенов на свою территорию возникает в силу давности ее использования локальной группой или предшественниками, имеющими с этой группой общие генетические связи [12]. В отечественной правовой сфере такой подход не применяется. Традиция используется по-иному: к ней апеллируют при попытке ограничить аборигенную экономику натуральным обменом. В ряде работ отмечаются противоречия ТП и бизнеса, поскольку первое сложилось в доиндустриальный период и нацелено на консервацию аборигенного хозяйствования [2]. На наш взгляд, непродуктивно рассматривать ТП в статике. Развитие этнотерриториальных взаимоотношений можно проследить в течение нескольких хронологических этапов, где каждая из новых хозяйственных моделей требовала новых качественных и количественных параметров осваиваемой территории «ответа» со стороны культуры жизнеобеспечения. Существует точка зрения о том, что основным критерием «традиционности» следует признать преимущество форм хозяйствования от непосредственных предков до начала коллективизации [14].

Определение рамок «традиционности» в контексте модернизации природопользования трудно переоценить. КМНС, наряду с доминирующим обществом, переживают серию трансформаций, изменяющих хозяйственный комплекс. В это же время группа продолжает осваивать прежние ресурсы, сохраняет мировоззренческое ядро, экологическую этику, в итоге оставаясь в рамках традиции. Анализ локальных моделей природопользования КМНС показывает, что традиция – развивающийся опыт, способный к системным перестройкам и обладающий огромным адаптивным потенциалом.

Территориальная специфика систем ТП формируется под влиянием социальных, культурных, природных и административных факторов, которые находятся в непрерывном взаимодействии.

Природно-ресурсная база «задает» ограничения и возможности, инфраструктурные сети, технологическая оснащенность и экономико-географическое положение предприятий традиционных отраслей обуславливают региональное своеобразие ТП. Продуктивность биологических ресурсов и

качество среды в ареалах традиционного проживания КМНС во многом обусловлена взаимоотношениями с региональной властью и бизнесом.

Социальные процессы характеризуют связанное с ТП состояние социальной сферы, социальной стратификации и ее соответствие традициям этноса. Экономическая грань ТП зависит как от самоорганизации общин КМНС, предшествующего развития, так и от состояния регионального и федерального законодательства, обеспечивающего для КМНС доступ к основным жизнеобеспечивающим ресурсам. Существует прямая зависимость между позицией региональных администраций, протекционизмом в сфере регионального законодательства и состоянием ТП.

Этнокультурная составляющая пронизывает все блоки системы ТП, объединяя членов социума этнической и региональной идентификацией, поскольку под ее влиянием складывается социокультурная среда.

Все названные факторы сочетаются в сибирских регионах в различных пропорциях, влияя на формирование региональной специфики ТП. Несмотря на значительное разнообразие ТП, можно выделить ряд ключевых моментов, обусловивших общность тенденций его развития. Прежде всего это общность «исторической судьбы», траектория экономических, политических и идеологических преобразований советского и постсоветского периодов.

Тенденции развития традиционного природопользования в XX–XXI вв.

Предпосылки и последствия коллективизации «туземцев»

После Гражданской войны и установления советской власти в Сибири в 1920-е гг. возник вопрос построения политики по отношению к «туземцам» (новый термин для коренного населения). В это время они переживали тяжелые времена: распад дореволюционной торговой инфраструктуры, обеспечивавшей снабжение продовольствием и боеприпасами, подрыв основ товарного рыболовства и пушного промысла. Для управления и исследования народов Сибири создается Комитет Севера при Президиуме Высшего центрального исполнительного комитета коммунистической партии. Начальные шаги Советов в области национальной политики связаны с манипуляцией категориями идентичности. Упразднение сословных идентификаций и замена их термином «гражданин» должна была подчеркнуть равноправие населения. В официальных документах фиксировалась категория «национальность», что сигнализировало о зарождении основного принципа советской доктрины этничности. Критериями включения в список народов Севера стали малая численность и ведение традиционного хозяйства. Советское правительство стремилось преобразовать быт и культуру кочевых народов, предварительно локализовав их в четких границах «национальных туземных районов».

Коммунистические преобразования задумывались, исходя из особых характеристик физического здоровья, адаптивности и образа жизни индигенных народов. Выдающийся сибирский этнолог, профессор Б. Э. Петри в конце 1920-х гг. был идеологом начального этапа перемен: «Современное

положение наших туземцев можно, по справедливости, считать безвыходным... Царское правительство всех периодов рассматривало их как колониальных рабов, как главных добытчиков пушнины и нисколько не пеклось об их благополучии... Революция застаёт их поредевшие ряды в состоянии значительного хозяйственного упадка... Ясно, что если нового строя достигли остатки некогда рациональных форм хозяйства, то теперь (*работа написана в 1928 г. – М. Р.*) им не удержаться. Ясно, что туземцы севера сами не перейдут к новым формам хозяйства, а их надо перевести. Ясно, что предоставление их самим себе поведет их, именно теперь, к полному вымиранию. Сейчас мы стоим накануне нового этапа жизни Сибири – накануне ее индустриализации. В какие бы формы ни вылилась индустриализация в отношении наших туземных племен, она их не обойдет и так или иначе она их вовлечет в свой кругооборот. Мы должны подготовить к этому туземцев, так как иначе, застав их врасплох, она может довершить дело их уничтожения» [6, с. 1]. В качестве основных мероприятий намечалось: 1) создание туземных охотхозяйств и закрепление за ними территорий, запретных для иноэтничного населения; 2) учреждение «культбаз» (культурных баз) – центров, где сосредоточены органы власти (туземный Совет), школа, врачебный пункт; 3) постепенный переход к оседлости; 4) регулярное снабжение продуктами и боеприпасами. Подобная концепция была относительно «мягким» вариантом изменения традиционного образа жизни, но просуществовала недолго. Реальное развитие событий с начала 1930-х гг. приобрело более жесткий и трагичный характер.

Миф, конструируемый в научном и политическом дискурсе, опирался на тезисы об экономической и культурно-мировоззренческой отсталости аборигенов, о зачатках социального расслоения в туземной среде, о наличии эксплуататоров, санитарном и эпидемическом неблагополучии. Считалось, что все это ведет к неизбежному вымиранию. Советская власть «спасла» от него туземцев, и теперь их надо было цивилизовать, приобщить к ценностям социализма, помочь преодолеть родовые пережитки, стимулируя классовую борьбу для победы туземного «пролетариата».

Внутренние противоречия данного мифа, даже с точки зрения марксистской теории, – невозможность классовой борьбы из-за отсутствия социального расслоения и классов в дофеодальном обществе – были решены с помощью социального конструирования. Шаманы и кулаки были «превращены» в сословие, хотя реальной консолидации шаманов никогда не существовало, они (как и большинство кулаков) не отличались от рядовых членов общины.

На большинстве территорий проживания КМНС был начат насильственный переход к оседлости, сопровождавшийся строительством домов и поселков русского типа. Уменьшение освоенных ареалов и продолжительности кочевания сопровождались дигрессией природных ландшафтов, ростом нагрузок на жизнеобеспечивающие ресурсы. Сокращение оленеводства, наиболее выраженное в тайге и в меньшей мере – в тундре, наступило в свя-

зи с непродуманными мерами по его коллективизации, укрупнению стад, организации молочно-товарных ферм.

Нарушение ритма охотничьего промысла, рыболовства и собирательства вызвало фрагментацию функциональных зон освоенного ландшафта, а пренебрежение властей традиционным опытом и знаниями имело следствием снижение природно-ресурсного потенциала ТП. Произошло включение сибирских кочевников в единую политико-экономическую систему СССР, для которой были характерны регламентация образа жизни и централизация управления.

Коллективная идентичность была сведена к социальной роли национальных меньшинств «колхозников». Разрушение системообразующих связей общины на синхронном (производство, коммуникации, обычаи, духовность) и диахронном (межпоколенная преемственность) уровнях повлекло разрыв прежних и выстраивание новых связей в системах ТП.

В мировоззренческой сфере происходило конструирование мифа о борьбе и победе туземного пролетариата, преодоленной архаике и спасении народов от вымирания, насаждались непонятные аборигенам «пролетарские ценности». Навязывание материалистического мировоззрения, борьба с религией и одухотворением природы в совокупности с распространением интернатского образования и отрыва детей от семей повлекли разрывы в передаче коллективных знаний о ТП и традиционном образе жизни. Такая ценностно-мировоззренческая прерывистость в условиях отвержения традиций первоначально вызывала культурный шок и психологическую фрустрацию.

В то же время после периода дезадаптации происходило расширение горизонтов опыта личности – через обучение чтению и письму, образование, контакты, перемещения (программа подготовки «национальных кадров»), исполнение новых социальных ролей и принятие новых идентичностей. Позитивной стороной социальной трансформации стало включение аборигенов в жизнь доминирующего общества, негативной – «усыхание» традиционного опыта через запрет полноценной социализации в своей культуре. Все названные процессы сопровождались обеднением субъективных этнических и региональных самоидентификаций, их редукцией к объектам.

В результате преобразований была создана неэффективная и уязвимая социально-экономическая модель, исключая регионы тундрового оленеводства, где далекие кочевки позволили в большей мере сохранить традиции и культурное своеобразие этносов. В таежных и горно-таежных районах снизилась результативность охотничьего промысла и рыболовства, значительно пострадало оленеводство.

В 1960-х гг. стартовало следующее масштабное преобразование: коммунистическая партия и ее лидер Н. С. Хрущев провозгласил курс на стирание различий между городом и деревней. Сельскохозяйственное производство должно было сосредоточиться в крупных центрах, куда «придет» городской комфорт и современная инфраструктура. Колхозы, которые все-таки поддерживали элементы общинной жизни и взаимопомощи, сменились кооперативными зверопромысловыми предприятиями. Эта структура еще

больше дистанцировалась от традиций сообщества, окончательно закрепляя за личностью статус наемного работника. Промысел стал индивидуальным, как прежде, но площадь охотничьих участков сократилась, иногда – в десять и более раз, по сравнению с досоветским временем. Укрупнение населенных пунктов и ликвидация мелких «неперспективных», с точки зрения властей, деревень нанесла дополнительный удар по системе идентификации: микро-ареальная система расселения была деформирована, люди еще более отделились от территорий, где прежде кочевали их предки, а культурный ландшафт воспринимался «своим». В то же время система государственных льгот и дотаций, адресованная коренным малочисленным народам Севера, давала чувство социальной защищенности. В таком виде системы ТП существовали до 1990-х гг.

Особенности традиционного природопользования в период рыночных трансформаций

Положение КМНС в годы перестройки научная и публицистическая печать определяла как катастрофическое, при этом важнейшей причиной назывался кризис традиционного хозяйства. Можно выделить три основных этапа эволюции ТП в постсоветский период.

На первом этапе, в начале – первой половине 1990-х гг., в ТП разразился глубочайший и по сей день не преодоленный кризис. Ликвидация и приватизация государственных промысловых хозяйств, прекращение государственной поддержки, нарушение инфраструктурных потоков – транспорта, снабжения, закупки продукции промыслов – поставили системы аборигенного северного природопользования на грань жизни и смерти. Проблема физического выживания сообществ КМНС сопровождалась надеждами на «новую жизнь», данному времени были свойственны черты этнополитической мобилизации и рост позитивных ожиданий. В этот период было положено начало созданию «родовых» общин и закреплению «родовых угодий» – процесс, «вызревший» на местах и стимулированный Указом Президента РФ «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» от 23.06.1992 № 106-а, в прошедший период был предпринят ряд законодательных и экономических инициатив для улучшения жизни КМНС. Всплеск национального самосознания, интереса к этногенетической специфике, культурному наследию, родному языку и обычаям повлиял на формулировку федеральных законодательных инициатив: Президент РФ Б. Н. Ельцин придерживался стратегии экстренных мер поддержки КМНС. Именно в этот период стартовали региональные правовые акты, позволившие наряду с названным указом, обозначить земельные права сибирских аборигенов.

Второй этап (1995–2001 гг.) характеризовался началом самоорганизации общин, их консолидацией в ассоциации. В это время выживали лишь конкурентоспособные общины, обладающие не только финансовым, но и социальным капиталом. Продолжалось наделение представителей КМНС и их объединений «родовыми угодьями» на праве бессрочного наследуемого владения, складывались новые инфраструктурные связи. Важнейшим мар-

кером этапа стало создание территорий традиционного природопользования (ТТП) регионального значения. На рубеже третьего тысячелетия был разработан и принят пакет федеральных законодательных актов по защите среды обитания и образа жизни КМНС, урегулированию традиционного природопользования. Это было своеобразное «время надежд», связанное с ожиданием скорейшего воплощения в жизнь принятых законов.

Третий этап, начавшийся в 2002 г. и продолжающийся по настоящее время, характеризуется застойными и парадоксальными тенденциями в сфере ТП. Для него свойственны неравномерность территориального развития КМНС, сочетание кризисного и относительно стабильного положения. Пропорционально ухудшению экономического положения отмечается рост зависимости от биологических ресурсов и обострение территориальных конфликтов. Увеличение значимости неформального сектора аборигенной экономики происходит в условиях промышленной экспансии. При этом региональные власти в большинстве случаев не могут гарантировать беспрепятственного доступа КМНС к своим исконным землям, вследствие чего возникает угроза целостности и качеству ареалов проживания КМНС. Стратегия отечественного законодательства направлена на сохранение мест традиционной деятельности и проживания КМНС, сфокусирована на решении ключевого вопроса – доступа и прав на территории, с которыми их связывает этногенетическая память, традиционные культурные практики, где корениться и подпитывается их идентичность. Тем не менее, несмотря на прогрессивные исходные намерения, практика применения основного закона о ТТП противоречит цели его создания. К настоящему времени произошло изъятие ряда жизненно важных норм из федеральных законов о КМНС [13]. «Правовой туман» способствует тому, что все судебные дела об образовании федеральных ТТП проиграны [4]. Законодательная база по созданию ТТП и улучшению жизненных условий северных аборигенов не работает в полную силу. Основной парадокс триады законов – стремление урегулировать и гармонизировать жизнь КМНС посредством решения земельного вопроса – оборачивается ограничением их прав на территории проживания и ресурсы. В данной ситуации возрастает роль региональных инициатив и самоорганизации коренных народов.

Парадоксы и тенденции современного традиционного природопользования

Проблемы ТП в регионах Сибири имеют общие и специфичные черты. Степень трансформации традиционного хозяйственного комплекса, доступ к ресурсам и решение земельного вопроса, роль пришлого промышленного населения в формировании социальной среды, экологическая обстановка, политика региональных властей, «добрая воля» или отсутствие таковой у руководителей промышленных предприятий в ареалах проживания КМНС, степень ассимиляции, урбанизации и перехода к инациональным ценностям, социальное и медико-демографическое состояние в комплексе созда-

ют в каждом регионе ряд вариантов ТП. Можно выделить ряд противоречивых моментов в развитии хозяйственных стратегий КМНС.

Влияние промышленного освоения на ТП неоднозначно: в регионах, где сильны протекционистские установки властей и налажено партнерство с бизнесом, оно стимулирует развитие ТП, в то же время ухудшая качество ресурсов среды. Так, промышленное освоение ямальской тундры, ухудшив состояние пастбищ и обострив земельный вопрос, в то же время обеспечило рынок сбыта оленеводческой продукции. Таким образом, оленеводство Ямало-Ненецкого автономного округа выжило благодаря частному сектору. В 2011 г. поголовье оленей составило 665,17 тыс. голов [10, с. 261], семейным хозяйствам принадлежало 55,1 % [10, с. 262]. Дальнейший рост поголовья проблематичен – проектная оленеемкость пастбищ значительно превышена.

Сильное региональное законодательство, поддержка властей и открытость к сотрудничеству промышленных компаний способствовали созданию экономически эффективной системы ТП. Крупноотгонное оленеводство ненцев и хантов существует в условиях ресурсного дефицита, но в то же время развитая инфраструктура и наличие платежеспособного спроса стимулируют дальнейшее увеличение поголовья. Большой процент кочевого населения (40–50 %), дальние (до 500–1000 км) сезонные перекочевки и связанная с ними вынужденная изоляция формируют более благоприятные условия сохранения традиционных знаний, языка и обычаев.

Консолидации и укреплению этнических идентичностей способствуют социальная активность ассоциаций КМНС округа, самоорганизация и консолидация общин. Основные проблемные сферы – непростая экологическая ситуация, близость предела ресурсных возможностей, неоднозначность взаимоотношений с промышленными компаниями, недостаточность и качественное ухудшение угодий комплексного природопользования.

В Ханты-Мансийском автономном округе правовая база в отношении аборигенов детально разработана и имеет обширную практику применения: региональное законодательство предусматривает институт «родового угодья». Большинство угодий с начала 1990-х гг. были отведены отдельным гражданам и семьям, реже – общинам. Первоначально земли передавались в пожизненно наследуемое владение, впоследствии – в аренду на срок от 2 до 5 лет. В контексте неработоспособности федерального закона о ТТП проблема соотношения индивидуального, пожизненно наследуемого и общинного владения родовыми угодьями достаточно остра.

Сильное региональное законодательство и поддержка властей позволяют сохранять ТП КМНС, но в то же время неразработанность федерального законодательства в отношении ТТП делают их положение неустойчивым. В итоге ситуация с ТТП при формально относительно благополучных показателях характеризуется обострением экологических проблем, расширяющимся изъятием территорий под промышленное освоение, резкими пространственными диспропорциями качества жизни населения. В то же время закреплены права аборигенов на территорию в форме «родовых угодий» или ТТП регионального значения, власти поддерживают традиционный хозяйст-

венный комплекс (так называемые пятьдесят этнических законов Югры имеют протекционистский характер).

В регионах, где КМНС не столь многочисленны, а промышленная экспансия набирает обороты при нерешительном поведении властей, ситуация намного драматичнее.

В Забайкальском крае отсутствие прав эвенков на свои земли и пассивность региональных администраций по защите прав КМНС приводят к тому, что им часто предоставляются отдаленные непродуктивные охотучастки, а исконные земли сдаются в аренду коммерческим предприятиям. Эвенки вступают с ними в официальные (а чаще – неофициальные) отношения субаренды, оставаясь батраками на своих землях [7].

Иная ситуация в областях длительного совместного проживания КМНС и других народов, где промышленное и сельскохозяйственное освоение исчисляется не одним десятилетием: к примеру, в Алтае-Саянском регионе основная проблема развития ТП – сложность поземельных отношений. Отгонное скотоводство связано с дальним кочеванием, его хозяйственные ареалы «вкраплены» в уголья иного назначения и принадлежности, этот фактор осложняет доступ КМНС к ресурсам. Современное ТП народов Алтае-Саянского региона характеризуется: пересечением нескольких стратегий жизнеобеспечения коренного населения (скотоводы вторгаются в уголья охотников и наоборот), а также экстенсивностью исходного ТП.

Отмечено освоение одного и того же региона несколькими субъектами с различными целями и правовыми основаниями природопользования, ситуацию осложняет большая площадь особо охраняемых природных территорий. Особенностью ТП региона является наличие рынков сбыта и устойчивого спроса на продукцию промыслового (охотничьего, рыболовецкого, собирательского) хозяйства. Это побуждает КМНС к перепромыслу, для извлечения максимальной экономической выгоды не соблюдаются экофильные установки и средосохраняющие принципы ТП. В результате страдает биологическое разнообразие региона: «современное коммерциализированное хозяйство коренного населения крайне далеко от своих исходных форм, которые достаточно подробно описаны в этнографических работах еще до начала XX в.» [8, с. 37].

В последние годы отмечаются любопытные тенденции самоорганизации КМНС. Сейчас, по выражению К. Б. Клокова [3], у ямальских ненцев идет «вторая коллективизация» – семьи объединяются для того, чтобы взаимодействовать с властью и бизнесом, иметь социальную поддержку. Сходные процессы наблюдаются в Республике Саха (Якутия): достигнув относительно устойчивого состояния ТП как рентабельного сектора республиканской экономики, КМНС стремятся возродить сеть микроареального освоения территории, вдохнуть жизнь в заброшенные поселки.

Социальная среда районов проживания КМНС – следующий важнейший фактор их успешного развития. Важнейшей функцией государственных предприятий советского периода, помимо производственных задач, было сохранение семейной структуры при формировании оленеводческих и охот-

ничьих бригад, где традиционные социальные и культурные практики интегрировались в государственную производственную деятельность. Так происходила культурная интеграция в более крупную структуру – советское общество. Многочисленные каналы коммуникации и советские «обычаи» – самодеятельность, слеты передовиков производства, красные чумы, соцсоревнование – «работали» на создание жизненного стереотипа с понятными целями. Совместное преодоление трудностей северного быта, повседневные контакты, взаимобрачные связи сформировали социально-культурную среду, где старожилы – северяне знали и понимали аборигенную культуру. Изменение социальной среды связано как с притоком населения, занятого на нефте- и газодобыче, так и с «импортом» жизненных стандартов, причем степень проявления данных процессов зависит от притока пришлого, вахтового населения. Трудность вхождения КМНС в индустриальное освоение не нова: со ссылкой на службу занятости Е. П. Мартынова [5] констатирует, что ненцев «не берут» в газодобычу: часть населения от традиционного образа жизни отошла, а в индустриальный – не вписалась. Такая ситуация типична для всех КМНС. Поэтому социальная среда в регионах их проживания должна стать объектом внимания региональных и федеральных программ развития.

Заключение

Современное состояние ТП КМНС вписывается в сценарий ряда типовых ситуаций с разной выраженностью проблем. В трех регионах – Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах и Республике Саха (Якутия) – политика властей по отношению к КМНС имеет протекционистский характер, и ситуация относительно благоприятна.

Наиболее стабильна обстановка в регионах, где ТП, сохраняя свойственные исходной хозяйственной модели стереотипы освоения территории, доступ к ресурсам и мобильность, имеет рынок сбыта своей продукции и находится под протекцией региональных властей (ЯНАО). Системы жизнеобеспечения, основанные на крупностадном отгонном оленеводстве, – наиболее яркий пример продуктивного синтеза вхождения этнического природопользования в современную рыночную экономику. Традиционное природопользование здесь относительно слабо трансформировано, сохраняются кочевые обычаи, язык, особенности производственной культуры. Продолжительные (несколько месяцев) и протяженные (до 1000 км) кочевые маршруты способствуют сохранению этнической специфики ТП и идентичности.

Относительно стабильна обстановка в таежном и тундрово-таежном природопользовании Республики Саха (Якутия). Взвешенная политика предотвратила постперестроечный кризис: вместо распавшихся советских структур организации ТП были созданы их аналоги с высокой долей государственного участия. КМНС имеют возможность вести традиционный образ жизни на исконных территориях, их жизнь регулируется республиканским законодательством, которое устанавливает приоритетность доступа к

ресурсам, организована система закупки продукции и дотаций. Все это способствовало рентабельности ТП и благоприятному этносоциальному климату.

Иная ситуация в регионах интенсивного промышленного освоения, где территории КМНС изымаются в значительных объемах (ХМАО). Протекционизм властей и практика экономических соглашений побуждают бизнес к ответственности перед КМНС, но путь компенсационных выплат не способствует созданию здоровой системы ТП. Резкие территориальные диспропорции, экологические проблемы, отсутствие заготовительной и сбытовой инфраструктуры осложняют развитие ТП.

Алтае-Саянский регион, при всем своем этническом разнообразии, прежде всего имеет экологические, экономические и культурные проблемы доперестроечного характера: длительное промышленное освоение территорий алтайцев, оттеснение их от ресурсов привело к переходу этнической идентичности из практической в символическую форму, а высокий уровень урбанизации, изменение типа демографического производства характеризует как сложность доступа к исконным территориям, так и стремление расширить репертуар жизненных стратегий. Непродолжительный «стаж» народов Алтая в статусе КМНС способствует тому, что идет поиск путей взаимодействия с властями и выработки общей платформы.

Общностью отличаются проблемы ТП в Красноярском и Забайкальском краях, Республике Бурятия и Иркутской области. Прежде всего это связано с насильственной трансформацией таежного кочевого природопользования, ориентацией на мясо-шкурное оленеводство и переводом кочевников на оседлость в советский период. Перестройка поставила оленеводство на грань исчезновения, а нерешенность земельного вопроса способствовала углублению системного кризиса ТП. Региональное законодательство не способно защитить права КМНС, а отношения с бизнесом носят характер благотворительности. В такой ситуации целесообразен выбор стратегии восстановления северной социальной среды, а позитивный опыт РС(Я) в области законодательства может быть адаптирован к проблемам КМНС названных районов.

Нами рассмотрены основные черты региональной специфики, но картина развития ТП динамична, сложна, требует мониторингового междисциплинарного исследования.

К рубежу XXI в. практически во всех субъектах РФ, где компактно проживают КМНС, были созданы ТТП на основе региональных законов либо временных положений. После принятия Федерального закона «О территориях традиционного природопользования» в 2001 г. большинство названных положений и законов были отменены, что объяснялось необходимостью привести в соответствие региональное и федеральное законодательство.

Противоречия комплекса федеральных законов привели к правовому тупику [4, 12]. «Пока закон бездействовал, земли раздавались в аренду и продавались, а теперь сложилась ситуация, которая преподносится как изначальная проблема, что земли потенциальных территорий традиционного природопользования принадлежат разным субъектам природопользования.

Продолжается отчуждение основы существования народов Севера – охотничьих, оленеводческих, рыболовных угодий под промышленные проекты» [11, с. 283].

ТТП регионального значения существуют вопреки требованиям федерального законодательства, поэтому нет возможности говорить об окончательном юридическом закреплении их границ. Таким образом, налицо парадокс – попытка правового решения проблем ТП регионами происходит вне правового поля. Существование региональных ТТП – акт лояльности центральной власти к действиям местных администраций, так ситуация складывается далеко не везде, а в национальных республиках и автономных округах, где аборигенная составляющая социальной среды значима экономически и политически. В регионах, где численность КМНС невелика либо они менее социально консолидированы, нарастают деструктивные и архаичные процессы: на фоне отъема территорий «батрачество» отмечено в Красноярском и Забайкальском краях, Иркутской области. С амбивалентностью отношения власти и бизнеса к ТП связано субъективно воспринимаемое социальное неблагополучие: уровень суицидов среди представителей КМНС намного превышает среднероссийский, а масштабы алкоголизма трудно оценить.

Паллиативные меры в рамках региональных программ не в состоянии выправить ситуацию: и представители КМНС, и научное сообщество выступают за системное решение вопроса ТП.

Список литературы

1. Алексеев В. П. Историческая антропоэкология и этногенез / В. П. Алексеев. – М. : Наука, 1989. – 445 с.
2. Каракин В. П. Традиционное природопользование на Российском Дальнем Востоке / В. П. Каракин, В. Г. Булдакова // Россия и АТР. – 2010. – № 3. – С. 102–115.
3. Клоков К. Б. Современное положение оленеводов и оленеводства в России / К. Б. Клоков // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. – М. : ИЭА РАН, 2012. – С. 38–61.
4. Кряжков В. А. Территории традиционного природопользования как форма реализации права коренных малочисленных народов на земли / В. А. Кряжков // «Мир коренных народов – Живая Арктика» : альманах Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – 2009. – № 22. – С. 90–98.
5. Мартынова Е. П. Ямало-Ненецкий автономный округ / Е. П. Мартынова // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – М. : ИЭА РАН, 2012. – С. 184–202.
6. Петри Б. Э. Проект культурной базы для малых народов Сибири / Б. Э. Петри. – Томск, 1928. – 10 с.
7. Поворознюк О. А. Забайкальский край / О. А. Поворознюк // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. – М. : ИЭА РАН, 2012. – С. 164–183.
8. Поддубиков В. В. Коренные народы на пути устойчивого развития: традиционное природопользование и проблемы сохранения природно-культурного на-

следея (опыт Алтае-Саянского экорегиона) / В. В. Поддубиков // Современ. исслед. соц. проблем. – 2012. – № 3. – С. 61–69.

9. Рагулина М. В. Традиционные способы жизнеобеспечения эвенков Прибайкалья / М. В. Рагулина // География и природные ресурсы. – 2009. – № 2. – С. 109–116.

10. Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. – М. : ИЭА РАН. – 2012. – 275 с.

11. Сирина А. А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение / А. А. Сирина. – М. : Вост. лит., 2012.

12. Транин А. А. Территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов российского Севера (проблемы и перспективы) / А. А. Транин. – М. : ИГП РАН, 2010. – 213 с.

13. Якель Ю. Я. Общая характеристика действующего законодательства. Проблемы практики применения / Ю. Я. Якель // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. – М. : ИЭА РАН, 2012. – С. 8–21.

14. Ямсков А. Н. Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования / А. Н. Ямсков // Юридическая антропология. Закон и жизнь. – М. : Стратегия, 2000. – С. 172–185.

Traditional Land Use of Indigenous Peoples of Siberia: Trends and Paradoxes of the Development

M. V. Ragulina

Abstract. The paper studies prospects of the traditional land use of indigenous peoples. Traced the main trends of development of traditional land use in the new economy, analyzes the paradoxes of the indigenous economy in the context of the industrial development of Siberia.

Keywords: traditional land use, collectivization, social transformation, the indigenous minorities of the North, herding, hunting, fishing.

*Рагулина Милана Владимировна
доктор географических наук, ведущий
научный сотрудник
Институт географии им. В. Б. Сочавы
СО РАН
664033, Иркутск, Улан-Баторская, 1
тел. (3952) 42–60–32*

*Ragulina Milana Vladimirovna,
Doctor of Sciences (Geography), Leading
Research Scientist
Institute of Geography SB RAS
1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033
tel.: (3952) 42–60–32*